

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ

ПОУЧЕНІЕ

въ недѣлю о Блудномъ сынѣ.

Въ настоящій воскресный день, православные, св. Церковь продолжаетъ готовить наши души къ днямъ поста и покаянія. Двѣ недѣли тому назадъ мы слышали въ Евангеліи повѣствованіе о мытарѣ Закхеѣ, на примѣрѣ котораго мы видимъ, какъ Господь призываетъ къ себѣ людей, коснѣющихъ во грѣхахъ, и какъ этотъ призвъ ведетъ ихъ къ покаянію и къ твердому намѣренію исправить свою жизнь и самыя послѣдствія грѣховъ своихъ. Затѣмъ, въ предыдущій воскресный день мы слышали притчу о мытарѣ и фарисеѣ: она научала насъ, что человѣкъ очищается отъ грѣховъ только смиреннымъ покаяніемъ и осужденіемъ себя предъ Богомъ,—и что напротивъ, горделивое самохвальство, соединенное съ презрительнымъ осужденіемъ ближнихъ, привлекаетъ на человѣка гнѣвъ Божій. Наконецъ сегодня мы слышали глубоко-трогательную притчу о блудномъ сынѣ; чрезъ нее Господь внушаетъ намъ, что никакой грѣшникъ не долженъ отчаиваться въ своемъ спасеніи; какъ бы низко и глубоко ни палъ онъ,—Господь всегда готовъ принять его, если онъ обратится къ Отцу Небесному съ истиннымъ покаяніемъ. Въ этой притчѣ изображается паденіе и возстаніе человѣка; исторія блуднаго сына, въ большей или меньшей степени, такъ или иначе, вполне или отчасти, повторяется въ жизни каждаго человѣка; и къ великому прискорбію, перѣдко сбывается только ея первая половина—паденіе, но далеко не всегда сбывается вторая половина—обращеніе человѣка къ Богу и возстаніе его изъ глубины грѣха. Вникнемъ же православные, въ содержаніе читанной нынѣ притчи, и посмотримъ, какъ она сбывается на людяхъ теперь, въ условіяхъ современной жизни.

«У нѣкотораго человѣка было два сына; и сказалъ младшій изъ нихъ отцу: отче! дай мнѣ слѣдующую мнѣ часть имѣнія. И отецъ раздѣлилъ имъ имѣніе» (Лук. XV, 11—12). Всѣ мы—дѣти Отца небеснаго, и каждый изъ насъ получаетъ отъ Него какой нибудь даръ; по слову Христову, одному дается пять талантовъ, другому два, ино-

му одинъ, каждому по его силѣ (Мате. XXV, 15). Есть люди, получившіе отъ Господа дары особенныя, которые видѣляютъ ихъ такъ или иначе изъ ряда обыкновенныхъ людей. Вотъ, напр., имѣеть человекъ талантъ писательскій, — дана ему глубоко — чуткая, наблюдательная и проницательная душа, такъ что онъ видитъ мельчайшія подробности жизненныхъ явленій, проникаетъ въ глубины человѣческой души съ ея добрыми и худыми думами, чувствами и желаніями, — и можетъ изображать все, подмѣченное имъ, въ живомъ, яркомъ и образномъ словѣ, которое жжетъ сердца людей; это слово его широко распространяется путемъ печати и съ восторгомъ читается перѣдко во всѣхъ концахъ земли. Другой человекъ имѣеть отъ Бога даръ научный, — можетъ всесторонне и глубоко изучать природу, познавать и изъяснять ея законы, — подобно Соломону, можетъ говорить «о деревьяхъ, отъ кедра Ливанскаго, до иссопа, вырастающаго изъ стѣны, говорить о животныхъ, и о птицахъ, и о пресмыкающихся, и о рыбахъ» (3 Цар. IV, 33); его слову съ благоговѣніемъ внимаетъ учащееся у него юношество, какъ голосу самой науки. Иной получаетъ въ даръ отъ Бога богатое имущество — или получаетъ его по наследству, или оно приходитъ къ нему неожиданно оттуда, откуда онъ и не ожидалъ, — или дѣла его идутъ успѣшно и доставляютъ ему большіе доходы. Есть люди, одаренные богатымъ здоровьемъ и крѣпкими силами, благодаря чему они могутъ успѣшно трудиться на пользу себѣ и другимъ. Однимъ словомъ, разнообразны и многочисленны дарованія, а Господь, дающій ихъ, единъ; и каждый человекъ получаетъ свой даръ, которымъ можетъ и долженъ служить Богу и ближнимъ, по слову апостола (1 Петр. IV, 10).

Но всегда ли люди употребляютъ во благо дары Божіи? Къ прискорбію, нѣтъ; весьма часто и постоянно случается, что они поступаютъ также, какъ блудный сынъ: «По простествіи немногихъ дней младшій сынъ, собравъ все, пошелъ въ дальнюю сторону, и тамъ расточилъ имѣніе свое, живя распутно» (Лук. XV, 13). Вотъ, напр., писатель, который, такъ сказать, только что принялъ во владѣніе свой даръ, — его талантъ раскрылся въ его произведеніяхъ, его замѣтили, о немъ заговорили, его сочиненія читаются парасхватъ съ горячимъ одушевленіемъ и интересомъ. Онъ могъ бы воспользоваться этимъ успѣхомъ своимъ для служенія Богу, — могъ бы свѣять въ умахъ

и сердцахъ людей «разумное, доброе, вѣчное», — возбуждать въ нихъ любовь къ святымъ доблестямъ христіанскимъ и одушевленное такою любовію живое стремленіе къ борьбѣ со зломъ сначала въ себѣ самомъ, а потомъ и въ другихъ людяхъ. Но на дѣлѣ мы часто видимъ совершенно иное: писатель, достигшій извѣстности, нерѣдко блудно расточаетъ свой талантъ, — изображаетъ въ обольстительныхъ краскахъ и заманчивомъ видѣ нечистыя страсти и пороки человѣческіе, — высмѣиваетъ и вышучиваетъ святыя добродѣтели христіанскія, изображая ихъ, какъ что-то отсталое, устарѣлое и неразумное. Благодаря его художественному таланту, пагубно — увлекательное слово его читается съ увлеченіемъ и, подобно искусно подслащенному яду, лаская вкусъ человѣка, губитъ его, — отравляетъ и заражаетъ души многихъ, — помрачаетъ умы и развращаетъ сердца, особенно у юныхъ, болѣе склонныхъ къ пылкимъ увлеченіямъ. — Такъ нерѣдко поступаетъ и человѣкъ науки. Онъ могъ бы и долженъ-бы, созерцая дивныя творенія Божія, восклицать вмѣстѣ съ Псалмопѣвцемъ: «Яко возвеличися дѣла Твоя, Господи! вся премудростію сотворилъ еси» (Пс. СІІ, 24); изучаетъ ли онъ необъятный небесный сводъ со множествомъ свѣтилъ, стройно совершающихъ свое движеніе, онъ долженъ бы сознавать, что «небеса повѣдаютъ славу Божию, твореніе же руку Его возвѣщаетъ твердь» (Пс. XVIII, 2); изучаетъ ли онъ дивный составъ человѣка, — онъ долженъ бы взывать къ Богу словами Псалмопѣвца: «Руцѣ Твои сотворишѣ мя и создашѣ мя: вразуми мя, и научуся заповѣдѣмъ Твоимъ» (Пс. СХVІІІ, 73). Но нерѣдко мы видимъ и слышимъ, что ученый мужъ, познавшій «елика на небеси горѣ, и елика на земли низу, и елика въ водахъ подъ землею» (Исх. XX, 4), не славить Творца за его творенія, а, напротивъ, во имя этой самой твари отрицаетъ Бога. Вотъ напр., великій астрономъ съ высоты своей ученой кафедры заявляетъ всему міру: «Мы рассмотрѣли все небо, изучили всѣ свѣтила и ихъ движенія, — а Бога нигдѣ не нашли». Или другой ученый мужъ, показывая и объясняя своимъ юнымъ ученикамъ устройство тѣла человѣческаго и его различныя части, заявляетъ, что вотъ — кости, вотъ мускулы, вотъ жилы, вотъ внутренности, а души нигдѣ нѣтъ. И все это, возвѣщаемое во имя науки и истины, принимается съ довѣріемъ, — и подкапываются основы вѣры и нравственности въ душахъ человѣческихъ. Такъ блудно

тратится талантъ научный.—Посмотримъ далѣе на богача. Въ его рукахъ—жизнь и смерть множества бѣдняковъ, которымъ онъ можетъ дать честный заработокъ, ему ничего не стоитъ отереть слезы вдовъ и сиротъ, больныхъ и увѣчныхъ, устроить пріютъ, больницу или богадѣльню. Но часто бываетъ такъ, что богачъ на свои обширныя средства воздвигаетъ себѣ роскошныя хоромы и не щадитъ денегъ на великолѣпное украшеніе ихъ,—на роскошную обстановку, мебель, статуи, картины,—и такимъ образомъ отнимаетъ у бѣдняковъ то, что Господь даровалъ ему для помощи имъ. Подобно евангельскому богачу, онъ облачается въ роскошныя одежды, веселился на всѣ дни свѣтло (Лук. XVI, 19); устраиваетъ онъ роскошныя пиры и обѣды, но не для бѣдныхъ, слабыхъ, хромыхъ, слѣпыхъ,—которые немогутъ ничѣмъ воздать ему,—а для родныхъ, друзей, знакомыхъ и подобныхъ ему богачей, отъ которыхъ надѣется получить взаимное, отвѣтное приглашеніе (Лук. XIV, 12—14). И эти роскошныя пиры заканчиваются нерѣдко такими дѣянiями, о которыхъ непристойно и говорить съ этого святаго мѣста. Такъ блудно расточается денежное богатство, чрезъ которое можно было бы сдѣлать столько добра.—Вотъ предъ нами человѣкъ одаренный цвѣтущимъ здоровьемъ и богатыми силами; онъ могъ бы много и успѣшно работать во славу Божию и на пользу ближнихъ. Но не рѣдко такой человѣкъ проводитъ жизнь въ праздности и бездѣйствіи; а такъ какъ его богатыя силы ищутъ исхода, то онъ растрчиваетъ ихъ въ погонѣ за такъ называемыми «сильными ощущеніями»,—въ разгулѣ и развратѣ.—Но что говорить о людяхъ, богато одаренныхъ? И у людей среднихъ мы наблюдаемъ такую же растрату даровъ Божіихъ. Какой нибудь работникъ или мастеровой проводитъ шесть дней недѣли въ своей работѣ; въ воскресный или праздничный день ему нужно бы дать отдыхъ своимъ напряженнымъ силамъ,—провести время въ благоговѣйной молитвѣ и покоѣ; но онъ вмѣсто отдыха и подъ предлогомъ отдыха, тратитъ свои силы и оскверняетъ праздникъ безобразнымъ пьянствомъ, для оправданiя котораго ссылается даже на пословицу: «Кто празднику радъ, тотъ до свѣту пьянъ».

И нужно-ли еще приводить примѣры? Всякій изъ насъ, заглянувъ помлубже въ свою совѣсть, самъ увидитъ, какой даръ былъ полученъ имъ отъ Господа, и какъ растроченъ этотъ даръ.

Что же бываетъ послѣдствіемъ такой блудной траты даровъ Божиихъ? То же, что было и съ блуднымъ сыномъ: «Когда онъ прожилъ все, настала великій голодъ въ той странѣ, и онъ началъ нуждаться. И пошелъ, присталъ къ одному изъ жителей страны той; а тотъ послалъ его на поля свои пасти свиней. И онъ радъ былъ наполнить чрево свое рожками, которые ѣли свиньи; но никто не давалъ ему» (Хук. XV, 14—16). Когда человѣкъ растратитъ недостойнымъ образомъ дары, полученные отъ Бога,—имъ овладѣваетъ тоска и скука, особенно въ томъ случаѣ, если обычное мирное теченіе его жизни нарушится какимъ либо горемъ или несчастіемъ; чтобы какъ нибудь отдѣлаться отъ этой тоски или скуки, человѣкъ прибѣгаетъ ко всякимъ средствамъ, нерѣдко самымъ низменнымъ, но они не помогаютъ ему. Такъ, писатель, употребившій свой талантъ на воспѣваніе страстей людскихъ, во дни постигшаго его горя не находитъ въ себѣ источника утѣшенія: не успокоятъ его душу тѣ образы, какіе онъ создавалъ въ своихъ сочиненіяхъ,—они только могли опошлить его и чужую душу, подобно тому какъ человѣкъ, долго находясь въ зловонномъ воздухѣ, пропитывается имъ. И наука безъ вѣры не дастъ никакого утѣшенія въ несчастіи ученому мужу, который во имя ея отрицалъ Бога: такой человѣкъ можетъ видѣть только причины своихъ страданій, но не видитъ ихъ цѣли,—сознаетъ ихъ необходимость, но не находитъ въ нихъ никакого смысла, отчего они и являются для него вдвойнѣ мучительными. Не находя утѣшенія внутри себя, и писатель, и ученый, указанные нами, хотятъ найти его внѣ себя,—ищутъ сочувствія и популярности хотя бы въ небольшомъ кружкѣ людей. Какъ блудный сынъ поступилъ въ свинопасы къ одному изъ жителей, такъ и эти «служители искусства и науки» пристаютъ къ какой—нибудь партіи и обращаютъ свой талантъ на служеніе страстямъ, господствующимъ въ ихъ кружкѣ. Если здѣсь царитъ развратъ, легко нарушается цѣломудріе и святость брака,—то писатель художественно воспѣваетъ эти безобразія подъ именемъ любви, пылкой, могучей и незнающей преградъ,—а ученый оправдываетъ ихъ во имя науки, говоря, что все это такъ естественно, такъ необходимо, такъ полезно для здоровья. Тотъ же ученый въ случаѣ надобности стумфетъ оправдать и притѣсенія слабыхъ сильными: вѣдь это дѣлается по непреложному закону природы, по закону борьбы за

существованіе, въ которой сильныя неизбѣжно помогаютъ слабѣйшихъ и живутъ на ихъ счетъ.—Въ особенности же тоска овладѣваетъ человѣкомъ, когда онъ, растративъ свои силы и богатство на разгульную жизнь; такую «жизненную тоску» испытывали язычники предъ пришествіемъ Христовымъ; ее и теперь испытываютъ многіе, которые числятся христіанами. Подобно блудному сыну, искавшему насыщенія въ пищѣ свиней, современный человѣкъ нерѣдко придумываетъ новыя тонченныя виды разврата и разгула, чтобы заполнить чѣмъ—нибудь свою душевную пустоту и тоску; но и это не помогаетъ ему; отъ прежней грѣшной жизни одрябла его душа и износилось тѣло, такъ что онъ теряетъ способность чему-нибудь радоваться, чѣмъ-нибудь наслаждаться, чѣмъ-нибудь волноваться,—одно ему надобно, прискучило, а на другое у него не хватаетъ силъ и свѣжести душевной и тѣлесной; тоска его и духовный неутолимый голодъ остается во всей силѣ. И хорошо бы еще было, если бы такое состояніе послужило человѣку во спасеніе, какъ блудному сыну, который подъ вліяніемъ его одумался, вспомнилъ о своемъ далекомъ отцѣ и рѣшился вернуться къ нему съ глубокимъ раскаяніемъ. Но къ сожалѣнію, не всегда такъ бываетъ. Вотъ современный человѣкъ созналъ безвыходность своей тоски,—чувствуетъ весь ужасъ того душевнаго состоянія, которое изображено поэтомъ: «Цѣли нѣтъ передо мною; сердце пусто, празденъ умъ, и томить меня тоскою однозвучный жизни шумъ»; и это состояніе часто доводитъ его до полного отчаянія. Если у него еще есть злая рѣшимость и сила воли, онъ прямо прекращаетъ жизнь свою, и пашедшіе его трупъ узнаютъ изъ оставленной имъ записки, что онъ не нашель никакого смысла въ жизни, и потому прекращаетъ ее, какъ бессмыслицу. Если же у этого человѣка не хватаетъ рѣшимости сразу кончить съ собою, если въ немъ еще сильно животное чувство самосохраненія,—то онъ старается, по крайней мѣрѣ, на время заглушить свою тоску, не видя возможности въ корни уничтожить ее. Онъ одуряетъ себя виномъ, табакомъ, морфіемъ, эфиромъ и другими ядами, которые теперь въ такомъ изобиліи изготовляетъ услужливая наука. Проблески сознанія и воспоминанія о прежнихъ, далекихъ, свѣтлыхъ и чистыхъ дняхъ появляются у него все рѣже, и самъ онъ какъ будто стыдится ихъ, ядовито насмѣхается надъ ними, спѣшитъ отдѣлаться отъ нихъ и снова одурманиться. И все ниже и глубже падаетъ

онъ, пока, наконецъ, не застигнетъ его смерть — въ убогой лачугѣ, въ больницѣ, а то и на улицѣ, гдѣ пибудь подъ заборомъ.

Да устранить же и вразумить насъ этотъ страшный конецъ, который не рѣдко на нашихъ глазахъ постигаетъ человѣка, растратившаго блудно дары Божіи! Да научить онъ насъ быть внимательными къ себѣ и употреблять на святое служеніе Богу и ближнимъ всякое даяніе благое и всякій даръ совершенный, сходящій свыше, отъ Отца свѣтовъ (Зак. I, 17)! А кто блудно расточаетъ отеческое богатство, о тѣхъ помолимся, да вразумить и спасетъ ихъ Господь. Да пошлетъ Онъ имъ во время благопотребное тоску душевную; и пусть эта тоска не доводитъ ихъ до отчаянія, но послужитъ имъ, какъ блудному сыну, во спасеніе: да вспомнятъ они объ оставленномъ ими Отцѣ небесномъ, и да припадутъ къ Нему съ покаяннымъ воплемъ блуднаго сына: «Отче! согрѣшихъ на небо и предъ Тобою, и уже пѣсмь достоинъ нарецися сынъ Твой; сотвори мя, яко единаго отъ наемникъ Твоихъ!» (Лук. XV, 18—19). Аминь.

А. Воронцовъ.

ПРАВСТВЕННОСТЬ, РАСКРЫВАЕМАЯ ПО РУКОВОДСТВУ ТВОРЕНІЙ СВ. ТИХОНА ЗАДОНСКАГО.

(Продолженіе. См. №№ 22, 24 1898 г. № 2 1899 г.)

Но благодать Божія, призывая человѣка къ покаянію и вѣрѣ въ Искупителя, а также пробуждая и очищая его нравственныя силы отъ тѣхъ слѣдствій прародительскаго грѣха, которыя препятствовали его духовному усовершенствованію, призываетъ человѣка и съ своей стороны дѣйствовать съ помощію ея для своего спасенія, такъ какъ она и можетъ дѣйствовать только въ томъ случаѣ, когда самъ человѣкъ идетъ и отзывается на ея призывъ, открываетъ ей сердце и своими силами участвуетъ при ея помощи въ дѣлѣ своего спасенія и духовнаго самоусовершенствованія. Св. Тихонъ неоднократно въ своихъ твореніяхъ проводитъ ту мысль, что наше нравственное исправленіе и усовершенствованіе зависитъ и отъ нашей воли и дѣятельности, что если человѣкъ будетъ глухъ къ призыву благодати и не будетъ отверзатъ своего сердца ея дѣйствию, то онъ не можетъ спастись, человѣкъ самъ долженъ стоять на стражѣ своего спасенія и не проти-